

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

СТАЛИН, КОБА И СОСО

Молодой Сталин
в исторических
источниках

Бесошвили И.
Василий
Дж-швили
Иванович
К.
К. С.
Като, К.
Кинто
Ко.
К. Ко.
Коба
Коба Иванович
Товарищ К.
Нижарадзе
Меликянц
Тотомянц
Чижииков
Чопур
С.
С-н. К.
Салин, К.
Солин, К.
Сосели (Созели)
Сосело
Сосо
Ст. И.
Ст. К.
Сталин, К.
Стефин, К.
Сталин, И. В.

С Е Р И Я

И С С Л Е Д О В А Н И Я

К У Л Ь Т У Р Ы

В Ы С Ш А Я Ш К О Л А Э К О Н О М И К И

Ольга Эдельман
Сталин, Коба и Сосо.
Молодой Сталин в
исторических источниках
Серия «Исследования культуры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12924279

Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках

[Текст] / О. Эдельман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

978-5-7598-1352-1 : Высшая школа экономики; Москва; 2016

ISBN 978-5-7598-1352-1

Аннотация

Половина жизни Иосифа Джугашвили-Сталина прошла до революции 1917 года. Эта часть его биографии вызывает множество споров. Политические враги заявляли, что он был агентом тайной полиции или бандитом. Его заслуги в революционной борьбе были сильно преувеличены официальными льстецами. Неверно думать, что о жизни Сталина до революции известно мало. Напротив, существует очень много источников: воспоминаний соратников и врагов, партийных и полицейских документов. Проблема в том, что среди них мало

объективных и достоверных, биография Сталина очень рано стала полем политических войн в борьбе за власть. Понять, как и почему источники искажают истину, – вот увлекательная задача для исследователя. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей.

Содержание

Введение	5
I. История биографии большевика Джугашвили	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Эдельман Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках

Введение

Иосифу Виссарионовичу Джугашвили, более известному как Сталин, к моменту свержения самодержавия было 38 лет¹. Более половины из отведенных ему судьбой 74 лет он провел при старом режиме, а к революции подошел вполне зрелым, сложившимся человеком. Между тем эта часть его биографии до сих пор недостаточно изучена, изобилует неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности. Из-за этого и сам Сталин выглядит как одна большая мистификация: человек с придуманной фамилией, путаницей с датой рождения, сомнениями насчет национальности (грузин? осетин?), каскадом фальшивых имен и документов, слухами о неких темных пятнах в прошлом; даже само его участие в революционном движении и то ставилось под вопрос.

¹ Я полагаю достоверной датой его рождения 1878 год.

Сталин и сталинская эпоха в целом уже четверть века являются объектом пристального изучения как русских, так и зарубежных специалистов, научные конференции по истории сталинизма собирают впечатляющее число участников, издается огромное число статей и книг, введены в научный оборот крупные массивы архивных документов. Но диспропорция в наших знаниях о биографии Сталина сохраняется: фигура советского диктатора неизменно находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой – возможно, мешает более точному пониманию мотивов принятых решений и многих разворачивавшихся в сталинском окружении процессов. Ведь Сталин пришел к власти с багажом жизненного опыта, приобретенного именно в революционном подполье. Это было и специфическое знание страны и народа (взгляд подпольщика, вовлекающего рабочих в революционные кружки и массовые акции, или взгляд ссыльного, живущего среди обывателей Вологды, Сольвычегодска, Туруханска), и усвоенные методы действий, и опыт личного общения с соратниками. Ведь многих большевиков, членов советского руководства, Сталин знал давно, это не могло не сказываться на выборе им помощников, «ближнего круга», а также и внутривластных врагов.

Конечно же, недостаточная изученность первой части сталинской биографии имеет серьезные причины, не исчерпы-

вающиеся тем очевидным фактом, что вторая половина его жизни представляется гораздо более значимой. Принявшись за дореволюционный период жизни Иосифа Джугашвили, исследователь сталкивается с целым рядом трудностей методического и технического характера. Проблема здесь не в скудости источников, но в их избытии. Технические трудности связаны с необходимостью масштабного поиска документов, распыленных по десяткам и сотням архивных дел и порожденных сложнейшим делопроизводством политической полиции Российской империи. Методические же корни лежат в той источниковедческой головоломке, с которой придется иметь дело историку, собравшему наконец достаточно представительный документальный комплекс. Честно говоря, не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы счесть априори более или менее заслуживающими доверия. Большевики-сталинисты и большевики, обиженные Сталиным, меньшевики-эмигранты – каждый зависел от собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Многие определял давний партийный раскол на меньшевиков и большевиков. Названия фракций в конспиративной переписке сначала из предосторожности перед возможной перлюстрацией стали сокращать: «б-ки» и «м-ки», затем это перешло в партийный жаргон, говорить и даже писать между собой стали «беки» и «меки». «Беки» – большевики, «меки» – меньшевики.

Были еще жандармы, оставившие обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной.

Задача данной книги – поделиться сугубо источниковедческими наблюдениями автора после более чем десятилетней работы с документами о молодом Сталине².

Сталинская биография во всех ее аспектах была чрезвычайно политизирована, причем история этой политизации весьма ранняя. Она началась даже не с появлением Сталина у власти, а значительно раньше, еще в дореволюционную пору, и коренится зачастую в давних внутрипартийных раздорах. Сложность в том, что все, кто рассказывал что-либо об Иосифе Джугашвили, – и враги, и сторонники – все так или иначе оказывались под влиянием политической конъюнктуры, которая в итоге накладывает на источники, а вслед затем и на исследования, неизгладимые, хотя и очень противо-

² На данный момент результатами этой работы стали несколько статей: Эдельман. О. «У мне был 16–17 лет когда я видел тав. Сталина». Ложные воспоминания о вожде // Неприкосновенный запас. 2012. № 5 (85). С. 137–148; Эдельман О. Пуговица и свет в туннеле: фольклор и приемы советской пропаганды // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / под ред. А. Архиповой. М.: РГГУ, 2013. С. 326–334; Эдельман О. Сосо в Батуме, 1902 // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90). С. 229–244; Эдельман О. Семинарист Джугашвили (1894–1899) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013. С. 170–193; Эдельман О. К вопросу о переезде Иосифа Джугашвили в Батум (1901–1902) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XVI. М., 2013. С. 195–204; Эдельман О. Не заметивший войну: безмятежная жизнь Кобы в Туруханске // Неприкосновенный запас. 2014. № 4 (96). С. 97–114.

речивые следы. Противоречия коренятся в наслаивающихся друг на друга взаимоисключающих политических позициях авторов. Причем по прошествии лет ситуация представляется все более запутанной. К примеру, до сих пор не вполне забыт вопрос о «завещании Ленина», то есть о том, указал ли он на Сталина как на своего преемника, хотя сам Ленин давно уже перестал быть почитаемым вождем и носителем абсолютной истины, а вне большевистской парадигмы невозможно всерьез оценивать Сталина с точки зрения того, был ли он верным учеником и соратником Ленина. О Ленине теперь известно немало нелицеприятных вещей, однако, когда нужно уличить Сталина, участники дискуссий склонны опять прибегнуть к ленинскому авторитету.

Более близкий к теме настоящей книги пример – это вопрос о том, участвовал ли Сталин в знаменитой тифлисской экспроприации 1907 года. Главным ее исполнителем был Камо, а организаторами – большевики. Тогда же имел место яростный спор с меньшевиками, требовавшими отказаться от экспроприаций и террористической деятельности. Меньшевики обвиняли в организации экспроприации и даже участии в ней Кобу. Доказательств его непосредственного участия не было и нет. После революции в советских изданиях «тифлисский экс» стал преподноситься как один из отважных и лихих подвигов Камо. В то же время, насколько теперь возможно установить, в партии ходили упорные слухи, что Сталин все-таки был причастен к «тифлисскому эксу».

Троцкий утверждал, что «личное участие Кобы в тифлисской экспроприации издавна считалось в партийных кругах несомненным», а сам Сталин «не подтверждал этих слухов, но и не опровергал их»³ (очевидно, говоря это, Троцкий исходил из ситуации двадцатых годов). Но применительно к Сталину в устах старых большевиков, находившихся во внутрипартийной оппозиции к нему, слухи эти легко принимали характер компрометирующих. При этом от своих идейных основ эти большевики-оппозиционеры не отказывались и от большевизма (в их понимании) не отходили. Таким образом,

Сталину они ставили в вину ту самую акцию, за которую Камо считали героем. Для сравнения: никому тогда не приходило в голову упрекать Емельяна Ярославского, который в прошлом стоял во главе большевистской боевой группы на Урале и экспроприаций за ним считалось значительно больше. В официальных биографиях Сталина периода культа личности «тифлисский экс» не упоминался. Зато грузинские меньшевики, продолжавшие в эмиграции публицистическую борьбу, решительно обвиняли Кобу в организации не только тифлисской экспроприации, но и других террористических акций. Воспоминаниями эмигрантов пользовались как источником западные авторы книг о Сталине, и этот эпизод довольно устойчиво трактовался как порочащий со-

³ *Троцкий Я.Д.* Сталин. Т. 1 / под ред. Ю. Фельштинского. М.: Терра, 1990. С. 155.

ветского вождя.

После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности внутри страны стали слышнее голоса старых большевиков, многие из которых вернулись из лагерей и ссылок. Они сохраняли верность убеждениям своей молодости и охотно приняли и поддержали хрущевскую концепцию извращения Сталиным ленинских норм партийной жизни. Их стараниями возродились слухи об участии Кобы в «тифлисском эксе», опять же направленные против него. При этом в советской печати по разряду пропагандистской историко-партийной литературы выходили книги, где организация тифлисской экспроприации... ставилась в заслугу Степану Шаумяну, одному из 26 бакинских комиссаров⁴.

Враги Сталина любили задним числом упрекать его в трусости. Оставим в стороне вопрос, каким образом трусливый человек вообще оказался бы в революционном подполье. Кобу называли трусом, но также – главой боевиков-террористов, участником (лично!) тифлисской экспроприации, и наконец, бандитом-уголовником. Как согласовать все это между собой? Можно вообразить совмещение в одном лице боевика, экспроприатора и уголовного; однако как тот же самый деятель мог оказаться человеком не в меру боязливым? Здесь нам в очередной раз приходится сталкиваться с пол-

⁴ «Вся операция была подготовлена с ведома и одобрения С. Шаумяна. В тот же день Камо явился на квартиру Шаумяна и сообщил ему об этом» (Акопян Г.С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность / под ред. Л.С. Шаумяна. М.: Политиздат, 1973. С. 65).

нейшей непоследовательностью сталинских врагов.

Что касается его апологетов, то содержание их мемуарных рассказов то и дело менялось в зависимости от смены политического и идеологического курса, поэтому зачастую важно не столько то, что говорит рассказчик, сколько дата, когда рассказ записан. Это несколько сходно с ходившей в СССР графической антисоветской шуткой: чертились расходящиеся веером из одной точки две прямые линии, а между ними змеящаяся кривая. Прямые обозначали соответственно «левый уклон» и «правый уклон», кривая – «генеральную линию партии».

При таком сложном и противоречивом грузе традиции задача анализа источников особенно увлекательна, она и является целью данной работы. Читатель не найдет в этой книге новой, научной, достоверной биографии молодого Сталина, но только обзор основных видов источников для нее, размышления о степени их достоверности и информационных возможностях, об исторических и идеологических зигзагах, приведших к их появлению. А поскольку источники, как было сказано выше, сильно зависели от текущей конъюнктуры, то начать придется с истории того, как была представлена жизнь Сталина-революционера в печати.

I. История биографии большевика Джугашвили

О Сталине существует такое множество работ, что даже простое их перечисление является задачей непосильной. Однако за несколькими исключениями трудам многочисленных биографов Сталина свойственна общая особенность: о дореволюционном периоде десятилетиями писали, ссылаясь главным образом на весьма узкий круг фактов, свидетельств и источников, введенных в оборот достаточно давно и кочующих из книги в книгу. Причем вернее даже было бы говорить о наличии в историографии двух несходных и лишь отчасти пересекающихся наборов фактических сведений и цитат: одни фигурировали в официальной прижизненной сталинской биографии, писавшейся в СССР (а также зависимых от нее западных текстах, таких, как книга Анри Барбюса «Сталин»), другие – в работах, вышедших за рубежом.

При жизни Сталина любые биографические материалы о нем в СССР публиковались весьма сдержанно, даже скупо. Документальные публикации строго дозировались и исчислялись единицами, то же касалось книг и статей о его революционном прошлом. Жесткий контроль за всем, что публиковалось относительно сталинской биографии, имел свою

предысторию и причины.

Первая известная попытка найти в прошлом Сталина компрометирующие сведения относится еще к 1918 году. Лидер меньшевиков Ю.О. Мартов в статье газеты «Вперед» № 51 заявил, что Сталин в свое время был исключен из партии за участие в той самой тифлисской экспроприации 1907 года. Сталин в ответ обратился в революционный трибунал с жалобой на публичную клевету со стороны Мартова. Московский революционный трибунал рассматривал это дело 16 апреля 1918 года и пришел к крайне невнятному решению. Вопрос о клевете на Сталина был сочтен трибуналу неподсудным, но трибунал признал в других местах текста статьи Мартова «наличность оскорбления для власти Рабоче-Крестьянского Правительства» и постановил выразить ему «за легкомысленное для общественного деятеля недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью, общественное порицание»⁵. Надо отметить, что оформлено решение трибунала было крайне косноязычно и бестолково. Впрочем, по всей видимости, тогда все постановления революционного трибунала звучали столь же путано и нелепо просто по неумению формулировать мысли письменно и незнанию (и отрицанию) большевиками даже основ юридической нормы.

Сталин, имевший тогда ранг наркома, 17 апреля подал кассационную жалобу (его собственная дефиниция) в Нар-

⁵ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 13–13 об.

комат юстиции. Решение о неподсудности его дела трибуналу он назвал незаконным и не соответствующим декрету о суде и просил представить его жалобу с заключением наркома юстиции во Всероссийский ЦИК⁶. На следующий день из Наркомата юстиции было послано представление во ВЦИК за подписью наркома П. Стучки с предложением удовлетворить жалобу Сталина и передать дело на новое рассмотрение в Московский революционный трибунал в другом составе⁷. Мартов требовал вызова с Кавказа свидетелей – Исидора Рамишвили, Ноя Жордания, Степана Шаумяна, – что в тогдашней обстановке вряд ли было реалистичным. Дело закончилось ничем⁸. 2 июня того же 1918 года Н.Н. Суханов, выступая на заседании

ВЦИК с критикой деятельности революционных трибуналов, в качестве примера сослался как раз на этот случай: «Вы помните, сколько шума вызвал процесс Сталина и Мартова, и как настаивал Сталин, чтобы для него был особый суд, чтобы его судили в какой-то особенной инстанции. Честь его до сих пор не защищена; он к суду, созданному нами, не прибегает, и дело это осталось неподвижным»⁹.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 12 (фотокопия жалобы в подлинном деле Московского рев. трибунала); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 155 (автограф).

⁷ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 14–15.

⁸ Л.Д. Троцкий подробно разобрал этот эпизод в своей книге о Сталине и не смог прийти к однозначному выводу о правоте Мартова или Сталина. См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. С. 148–150.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 19. Д. 22. Л. 23.

Не зная логики внутривнутрипартийных батальон, взаимных обвинений и предрассудков, зачастую сложно объяснить, почему та или иная деталь рассматривалась как компрометирующая, замалчивалась одними и вытаскивалась на свет другими. К примеру, какая, казалось бы, беда в том, что в декабре 1925 года центральный орган Закавказского краевого комитета ВКП(б) газета «Заря Востока» опубликовала под рубрикой «Двадцатилетие революции 1905 г.» два архивных документа: письмо Сталина из сольвычегодской ссылки и донесение начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова, сообщавшее, что Иосиф Джугашвили в 1905 году был арестован и бежал из тюрьмы? Или что в 1929 году, к 50-летию юбилею вождя, та же «Заря Востока» и «Бакинский рабочий» поместили найденную в архиве бывшего Бакинского губернского жандармского управления фотографию Кобы, указав, что она относится к 1905 году?¹⁰

Проблема была в том, что Сталин, заполняя после революции биографические анкеты, ареста в 1905 году не указывал. Сейчас, собрав большой массив жандармских документов, можно уверенно утверждать: не указывал, потому что этого не было, после побега из первой ссылки в январе 1904 года он не попадался в руки полиции вплоть до 1908 года. Но тогда, в двадцатые годы, история самой партии и биографии

¹⁰ На эти обстоятельства обратил внимание автор одной из недавних книг о молодом Сталине: *Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина?* СПб.: Нева, 2002. С. 10–12.

виднейших большевиков еще не имели четкой хронологии, даты путались, все представлялось неясным и неочевидным. Зато со времен подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: раз отпустили, значит, во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель. Жандармы, кстати, об этом знали и зачастую этим пользовались, ведь благодаря подозрительности подпольщиков было легко вывести из игры участника революционного движения, просто ненадолго его арестовав. Столь же подозрительным мог казаться и слишком легкий побег. О побеге Джугашвили из Иркутской губернии в начале 1904 года как раз и ходили нехорошие слухи, будто бежал он с согласия жандармов (это я также вынуждена опровергнуть как не соответствующее действительности). Впрочем, невозможно определить, в какой момент эти слухи возникли, тогда же или значительно позже. Факт тот, что тюремная фотография Иосифа Джугашвили с датой «1905 год» могла, конечно, быть невинным промахом публикаторов, но могла также оказаться понятным посвященным и коварным подкопом под его репутацию.

Еще более очевидным компрометирующим материалом было опубликованное письмо Сталина из Сольвычегодска, ведь в нем он со свойственной ему грубоватой иронией обозвал развернутую тогда Лениным борьбу с очередными партийными оппонентами – так называемыми «отзовистами» (большевиками, предлагавшими прекратить все ви-

ды легальной борьбы, отозвать своих депутатов из Государственной Думы и полностью перейти к нелегальным методам) – «бурей в стакане воды» и замечал, что «вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: “пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится” Это, по-моему, к лучшему»¹¹.

Беда была не только в том, что несогласие с ленинской линией считалось одним из худших большевистских грехов. Р. Такер подробно проанализировал, как в ходе соперничества за место партийного лидера, освободившееся после смерти Ленина, серьезными аргументами стали близость к Ильичу или случаи отклонения от его линии. На роль преемника претендовал Л.Д. Троцкий, с ним вступили в полемику Н.И. Бухарин и сам Сталин, причем спор вертелся вокруг роли каждого в октябре 1917 года. Более давние заслуги и прегрешения перед партией в полемике с Троцким 1924–1927 годов не были востребованы, что неудивительно, ведь Троцкий до 1917 года не входил в большевистскую фракцию. Зато Сталину припоминали историю с «завещанием Ленина» и предшествовавший конфликт с Ильичом¹².

Публикации в закавказских газетах в декабре 1925 года

¹¹ Письмо Сталина В.С. Бобровскому от 24 января 1911 года, подлинник этого письма: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 641. Л. 177.

¹² *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929 // *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. С. 225–244.

служат иллюстрацией того, что внутривнутрипартийная интрига не сводилась к соперничеству в узкой руководящей группе или по крайней мере к непосредственной полемике Троцкого, Бухарина и Сталина. Верхушка Закавказского краевого комитета ВКП(б) вела какую-то свою игру, и особенно странно то, что первым секретарем крайкома в тот момент был Серго Орджоникидзе, который считается человеком, близким к Сталину. Очевидно, мы недостаточно знаем о подспудных процессах, происходивших в местных комитетах ВКП(б), их цели и участники нуждаются в дальнейшем изучении. Немаловажно, по-видимому, что указанные публикации появились как раз в дни, когда проходил XIV съезд ВКП(б), ставший одним из этапов борьбы за власть.

В преддверии 25-летнего юбилея Бакинской социал-демократической организации в 1923 году в Баку местным Истпартом был издан сборник «Из прошлого», в следующем, 1924 году, под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана вышли одновременно две книги под схожими названиями: «25 лет Бакинской организации большевиков (основные моменты развития Бакинской организации)» и «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков». Первая представляла собой небольшой исторический очерк, составленный Истпартом при ЦК и БК АзКП, вторая – сборник воспоминаний и статей. В нем, как и в сборнике «Из прошлого», участвовали такие заметные партийные деятели, как А.И. Микоян, С.М. Эфендиев, М. Мамедьяров, С.

Жгенти, А. Рохлин, А. Стопани, А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, В. Стуруа, Е Стуруа, И. Голубев, С. Якубов, С.Я. Аллилуев. Здесь никаких прямых текстуальных выпадов против Кобы-Сталина не было, напротив, изумительной особенностью обоих сборников является почти полное отсутствие его имени. Несколько скупых упоминаний – и все¹³.

О нем нет ни слова даже в статье С. Аллилуева (который десяток лет спустя превратил воспоминания о собственном революционном прошлом и о дружбе со

Сталиным чуть ли не в главное свое занятие). А ведь именно в бакинском подполье Сталин сделал революционную карьеру и выдвинулся в число ведущих большевиков. Умолчание о Кобе в бакинских сборниках выглядит нарочитым, демонстративным, и его невозможно счесть правдивой позицией. Очевидно, это было следствием враждебного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства, под влиянием или в угоду которой его имя исчезло из статей не только сугубо местных деятелей, но

¹³ В очерке «25 лет Бакинской организации...» Сталин также вовсе не упомянут, но и весь очерк написан обезличенно, без имен партийцев. Как ни странно, единственные фигурирующие там фамилии – это убитый еще в 1905 году рабочий-большевик П. Монтин и братья Шендриковы, бакинские социал-демократы – популисты, создавшие свою группу, в 1904-1905-х годах пользовавшуюся успехом среди рабочих. Большевики с Шендриковыми враждовали, называли их «полуменьшевиками, полуавантюристами» и в 1920-х годах с большим увлечением продолжали задним числом их изобличать. «Борьба с шендриковщиной» являлась неперменным сюжетом мемуарных текстов большевиков – выходцев из Баку.

и Микояна, Орджоникидзе, Аллилуева. Мы не знаем в точности истоков и конкретных причин этой враждебности, но можно предположить, что здесь имелись два одновременных пласта.

После гибели 26 бакинских комиссаров Сталина упрекали в том, что он, находясь на Царицынском фронте, не пришел на помощь Шаумяну и бакинской коммуне. А это заставило вспоминать, актуализировало какие-то давние, дореволюционные еще счеты. В чем они состояли, неясно; по сведениям опытных исследователей темы, речь могла идти об обстоятельствах, касавшихся бакинской подпольной типографии¹⁴. Видимо, отсюда же, из Баку 1920-х годов, происходит устойчивая, передававшаяся устно и всплывшая много позже в годы хрущевской оттепели со ссылкой на старых большевиков версия о том, что Сталин вообще не играл никакой роли в кавказском революционном движении. Версия, несомненно, лживая и несуразная.

Несколько позднее, в 1927 году, в грузинском Госиздате на русском языке вышла книга Ф.И. Махарадзе «Очерки революционного движения в Закавказье». Филипп Махарадзе был десятью годами старше Иосифа Джугашвили, учился в той же Тифлисской духовной семинарии, входил в самые ранние социал-демократические кружки, был в числе

¹⁴ Я глубоко признательна докт. ист. наук А.П. Ненарокову, докт. ист. наук З.И. Перегудовой, докт. ист. наук И.С. Розенталю и заместителю директора ГА РФ Л.А. Роговой за обсуждение этого предмета.

центральных грузинских большевистских деятелей и одним из первых теоретиков марксизма в Грузии, с 1903 года входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. В советское время Махарадзе занимал крупные государственные посты в Грузии, был председателем ЦИК и СНК Грузинской ССР, председателем Госплана, ЦИК ЗСФСР. Позднее в разгар политического террора в 1938 году Махарадзе стал председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно он являлся директором грузинского Института марксизма-ленинизма. Жертвой политического террора Махарадзе не стал и мирно скончался в декабре 1941 года в Тбилиси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.